

этот созданный людьми канал, вест на нее чудесной прохладой, как бы подбояря в дальний путь.

Словом весана — весна — называется в Индии время с середины марта до середины мая. Одним весенним апрельским днем мы ехали вдоль большого канала, берега которого уходили, казалось, в бесконечность.

В памяти жили узницы Деги, всегда полные народа, узницы, на которые струились потоки весеннего солнца, зеленые старухи тамаринов и смородины, платанов и пальм.

Голые, полуголые люди работали в садах и на полях. И так было не только сегодня, так было столетиями. Новое встречало все большими современными знаниями, машинами двадцатого века, дворцами банков и магараджей, крытыми галереями базаров, где продавались товары со всех концов света.

Мы ездим в старинную Агру, где можно было подняться в безмятежном величии Великого Могола — Агара, черной саркофага, высоко поднятой к синему небу, и по стенам, окаймленным фризами и этот вознесенный к небу прах, были начертаны стихи поэмы, прославляющей грозного падишаха.

Мы увидели индийцев, от простых рабочих до инженеров, занятых огромной тождательной работой. Мы поднялись к тому месту, где сегодня между двух отвесных стен ущелья, стремительно спускающихся к дикому, непокоренному пока Сатлежу, висит пуста. Эта пуста должна исчезнуть. Пространство между ничем не связанными скалами будет навеки связано крепчайшей стеной — плотиной. Даже трудно было представить, что там, где сивый воздух прозрачен, как тончайшая камширская ткань, повиснет стена с воротцами, в которые будет стремительно падать вниз вода косматых пенитисаи столами, потому что высота плотины двести двадцать метров.

Мы видели сырые, пахнущие холодным мраком туннели, предназначенные для отводных каналов, мы видели много грузовиков и самосвалов, отвозящих выбранный грунт, мы слышали хрип машин, взбирающихся на вершину отвес, видели тружеников, чьиими руками изо дня в день сооружается эта невиданная для Индии плотина. Тут говорили по-новому даже индусы, цифры, которых не знало прошлое. Минимальная мощность станции в засушливый сезон выражалась цифрой 400.000 киловатт, максимальная мощность станции в сезон дождей — 900.000 киловатт.

Весь день были мы под впечатлением этого замечательного зрелища — люди, вступившие в борьбу с горами и волжаным потоком, твердо решили добиться своего.

И когда наша машина двинулась вдоль нового канала, мы с удовольствием наблюдали новый пейзаж, свидетельствующий о воле великого индийского народа, приступившего к преобразованию страны.

Шофер наш замедил ход машины, потому что у дороги сидела женщина. Одеята эти отдалаших была самая обычная, выражение ее лица было такое, какое бывает у всех усталых людей, долго несших тяжелый груз и прерывших отдохнуть недалеко от воды, чье легкое и прохладное дыхание освежало разгоряченные лица.

Они сидели и получали, и между ними стоял паланкин — экипаж, который, начиная с глубокой древности, переносит руками. В такой стране, как Индия, этот раскрашенный легкий паланкин не был чем-то особенным. Но шофер сказал одно слово, которое привлекло к паланкину наше внимание. Он сказал: это невеста!

Они несут невесту, — сказал шофер, и мы увидели ее. Подушка в паланкине, она смотрела на воду канала, беззащитно перед ней. Переплывающиеся разными красками сари, цветы, лежащие на коленях, белесые в ее волосах, сверканье в полумраке паланкина ее ожерелий, браслетов и колец делало ее похожей на существо из другого мира. Это была облик древней, потерявшей счет векам Индии, уходящей в бездну времен, образ, виденный на скалах Аджанты и красочно живший на картинах древних мастеров. И, однако, это был лик юности, самой цветущей, победоносной и современной. Это было смуглое юное лицо, как бы освещенное изнутри светом любви, жалного любопытства к миру, который она впервые видит и который с каждым шагом все больше раскрывается перед ней.

То, что простой девушке оказывали такую честь взрослые люди, почитательно и бережно несли паланкин с нею, было понятно. Они несли собственную любовь в жизни. Они сами были когда-то молоды, может быть, уж и не так давно. И мне показалось, что я вижу сразу и прошлое, и будущее, и настоящее. Девушка смотрела на канал, на сооружение нового века, на то, чего не видели ее предки, большими, выходящими глазами юности, но в глубине ее души жила женщина древнейшей страны, которая верила в то, что она сейчас выполняет какой-то во всем ей понятный, но обязательный долг, плет в лок к человеку, с которым она обрывает семью и должна будет родить детей, продолжить племя великих тружеников, и пусть ей будет трудно, но сейчас она молода, и эта весенняя природа, баб и

Крестьяне, несшие паланкин, были одеты так же, как те, что соорудили грандиозную плотину. И это родило их и сблизило самые далекие времена.

В синем сумраке вечера наша машина резко затормозила. Тихий свист, исходящий из лопнувшей камеры, говорил о том, что на дороге попалась гвоздь.

Машина остановилась. Дорога, обсаженная деревьями, была пустыня. Недалеко от места остановки виднелся маленький колодец. Скрип старого ворота слышался издали. Над колодезем склонялись девушки и женщины, пришедшие за водой. У нашего шофера оказалась запасная камера. Но он был романтик по природе. Он, имея запасную камеру, не имел ни одного нужного в таком случае инструмента. Нам нечем было развить гайки, нечем было подтянуть автомобиль. Шофер вышел на дорогу и поднял руку. Так как на проезжающих машинах не оказалось нужного инструмента, то мы не могли ничего предпринять. Крестьяне, возвратившиеся домой, катались на нас и останавливались из любопытства.

Потом нашелся шофер, который остановил свой грузовик, и с него тоже спрыгнула толпа любопытных, окружившая нас. Они добровольно хитро полезли под машину вместе с нашим шофером, помогая ему добрыми советами, другие стали спрашивать, откуда мы, и узнав, что мы — советские люди, в радостном изумлении всплескивали руками и засыпали нас вопросами. Через пять минут на дороге шла оживленная беседа. Еще полчаса назад мы не могли думать, что под старыми деревьями, рядом с древним колодезем мы будем говорить с народом, с самыми обыкновенными людьми, с крестьянами, которые с какой-то особой жадностью хотели все узнать в несколько минут. Они спрашивали, правда ли, что мы будем помогать индийскому народу, правда ли, что советские люди будут строить в Индии металлургический завод и заучат индийцев, как строить металлургии, правда ли, что мы продадим им станки и машины. Многие было сказано им в тот час, пока шофер сменял камеру. Было вместе с тем что-то трогательное в добродушном и любовном внимании, с каким люди слушали наши ответы. Как будто мы ехали специально к ним и эта встреча на дороге не случайная, а где-то давно обговоренная встреча, которой они долго ждали.

Были удивительны их глубокие дружеские речи, их приветия, которые они просили передать советским людям, их верное и хорошее понимание происходящих событий, их большая вера в советский народ. Эти чувства дружбы к советским людям с особенно яркой силой раскрылись сегодня, когда Индия сердечно приветствует в своей столице товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева.

И. А. Отошел от машины и направился к колодезю, чтобы выпить воды. Когда я подошел к каменным ступенькам, залитым водой, там была только одна женщина, которая протянула мне кувшин, и я наполнил и поблагодарил ее.

Обернувшись, увидел я рядом с колодезем нечто вроде часовни — глиняный домик с ретчатой запертой дверью. Я посмотрел сквозь решетку и увидел две глиняные фигурки, стоявшие рядом на камне рядом аттара. У ног их лежали скромные букетики полевых цветов. Я узнал этих небожителей, которым принадлежал крошечный храмик. Это были Кришна и Раду. В сумраке вечера огромные духи прошлого превратились в маленькие фигурки из детской сказки. Они были скромны и добры и поэмы изящества — эти фигурки, сделанные рукой местного мастера.

Казалось, они нарочно притворились маленькими, чтобы не смущать людей, приходящих за водой к колодезю или отдыхающих в тени рядом с их крошечным храмом. А может быть, так изменились времена, что люди, толпившиеся сейчас на дороге вокруг нашей машины, были большого роста, а сказочные видения прошлого уступили им дорогу и вернулись в сказку, чтобы не хватать больше своей божественностью и силой, о которой говорится в древних книгах?..

Когда наш автомобиль был готов и мы тепло попрощались с нашими друзьями-крестьянами, один из них сказал с лукавой улыбкой: «Как хорошо, что ваша машина сломалась. Если бы она не сломалась, мы не имели бы возможности с вами поговорить по душе. Да что поговорить — посмотреть на советских людей. Мы их любим давно, а видим в первый раз. Ну, теперь вы будете приезжать к нам чаще. У нас тоже есть что посмотреть. Хотя у нас плотины?»

В нем уже говорила гордость строителя и патриота своей страны. Мы расстались горячо, крепко пожмая друг друга руки. Скоро и люди и боги крошечного храмика растаяли в вечерней мгле. Но мы, конечно, еще не раз вернемся в эти места, и эти люди будут что нам показывать.

И вспомнил снова строителей гигантской плотины и этих чудесных друзей, безмятежных крестьян, когда читал на днях речь Джавахарлала Неру, произнесенную в городе Амритсаре, на митинге, где присутствовали триста тысяч человек. Там, конечно, были такие же простые люди, которые являются надеждой и опорой страны. Неру сказал: «Мы находимся накануне начала новой главы в истории Индии. Она откроется в будущем году, когда начнется осуществление второго пятилетнего плана. Мы решили осуществить в этот период нашу промышленную революцию и догнать другие страны, которые начали этот процесс 150 лет назад...»

Так сказал Неру, и вся Индия, весь мир слышали это.

Великий индийский народ становится строителем новой Индии. Мы можем сказать, что мы были очевидцами и свидетелями начала этого народного подвига, который даст жизнь новым народным эпосам, где не боги, а люди сделаются прославленными героями будущих поколений. И вечно молодой и древне мудрая Индия с глазами той девушки-невесты, которую мы видели на берегу канала, благодарно посмотрит на новое, свободное поколение великого народа, не знающего чужеземного ига, преград к счастью, знанию и свободе.

Николай ТИХОНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 138 (3483)

Суббота, 19 ноября 1955 г.

Цена 40 коп.

НАВСТРЕЧУ ДЕКАДЕ ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Наши успехи и наши пробелы

Декада латышской литературы и искусства, открывающаяся 9 декабря в Москве, является смотрам сил и достижений национальной культуры латышского народа. Поэтому понятна та ответственность, которая ложится на артистические коллективы и на весь отряд работников культуры Латвийской республики. Немало потрудились, готовясь к декаде, лучшие коллективы латышских театров, наши актеры, певцы, работники балета. Серьезно поработали и наши композиторы и художники — результаты их ценного творческого труда будут видны на декаде.

Не сидели сложа руки и латышские писатели. Но, конечно, было бы несправедливо судить о состоянии латышской литературы, исходя только из того, что создано нашими писателями в связи с декадой и специально для декады. Декада — это не просто какое-то торжественное событие. Это итог целого периода в развитии национальной культуры народа. Я думаю, что декада латышской литературы и искусства — это смотра всего созданного работниками латышского искусства и литературы в течение последних пятнадцати лет, то есть после установления советской власти в республике и приобщения латышской национальной культуры к великой социалистической культуре народов Советского Союза.

В жизни народа, как и в развитии той или иной национальной литературы, пятнадцать лет — это как будто совсем короткий срок, но и такого срока все-таки достаточно для того, чтобы определить основные тенденции развития и обобщенно судить о достижениях и недостатках.

Латышская советская литература создавалась не на пустом месте. Мы имели свою, хотя и не слишком обширную классику. Мы обладали творческим наследием великого Райниса, голос которого по сей день звучит в полную силу и по-настоящему созвучен с новой эпохой в жизни латышского народа. В расцвете своего таланта вошел в советскую литературу другой крупнейший революционный писатель нашего народа — Андрей Упита, большой художник и неограниченный учитель молодого и среднего поколений наших писателей. Мы насчитывали в своей среде многих литераторов — прозаиков, поэтов и драматургов, которые уже имели немалый опыт писательской работы, определенные творческие достижения.

В первую очередь мы можем назвать имя Яна Судрабальна, который с первых дней установления советской власти безраздельно посвятил свой яркий талант поэту и публициста делу служения народу. Вместе с ним в молодую латышскую советскую литературу пришли Арвид Григулис, Валдис Лукс, Андрей Валодис, Александр Чап, Мирдза Кемпе, Анна Саксе, Юлий Ванга, Ян Грант, Индрикс Леманис, Фриц Роккелиняс. Их Нишаре и ряд других более молодых литераторов, чье творчество по-настоящему развернулось только в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Народ начал вдохновенное строительство новой, социалистической жизни, и перед литературой встали новые задачи, какие не могли возникнуть в Латвии раньше. Дело народа стало делом литературы. Основной творческой проблемой для латышских советских писателей (да и других работников искусства) стало освоение метода социалистического реализма, утверждение этого метода в своей творческой практике. Это фактически означало для литературы и искусства переход из одного качества в другое, высшее. Как каждый переход, он был связан с определенными трудностями, исканиями, ломкой старого и переоценкой ценностей и поэтому не обошлось без известных ошибок, перегибов, ожесточенной борьбы взглядов и мнений — непременных трудностей роста. Некоторые писатели, воспитанные в духе ярого буржуазного национализма, национальной ограниченности, увлекшиеся безидейными формалистическими течениями, с самого начала заняли как выжидательную, так отчужденную, а кто и прямо враждебную позицию по отношению к великим переменам в жизни народа Латвии.

Сегодня мы можем сказать, что латышские советские писатели успешно справились со всеми этими трудностями, пережитками, сопротивлением вредных и враждебных сил. И это произошло только благодаря неограниченной посевной помощи великой партии коммунистов и благодаря тому, что перед нашими глазами стоял богатейший опыт великой и многогранной советской литературы, безраздельно утвердившей творческий метод социалистического реализма. В борьбе за идейную и творческую зрелость нам не пришлось идти по неизведанным дорам, мы могли двигаться по широкой и прямой дороге, проложенной великой советской литературой, самой прогрессивной и передовой литературой мира.

Отглядываясь на путь, пройденный латышской советской литературой за этот пятнадцатилетний период, мы можем отметить определенные успехи и достижения. Многие произведения латышских писателей отмечены Сталинскими премиями, переведены на русский язык и языки братских советских народов. Их сегодня читают на своих родных языках в странах народной демократии, в великом Китае, героической Коре, в странах капиталистического Запада. Аудитория латышского советского писателя чрезвычайно расширилась.

Только теперь по-настоящему оценен и занял свое заслуженное почетное место во всей советской литературе могучий многогранный талант Андрея Упита; его монументальные эпосы «Земля зеленая» и «Пробудет в тучах» — гордость всей латышской советской литературы. Широко известен во всем Советском Союзе и далеко за его пределами роман Анны Саксе «В гору». Заслуженно популярны стихи и публицистика Яна Судрабальна, писцы Арвид Григулис, Элины Залите, Анны Броделе, рассказы Жана Гривы, поэзия Фрица Роккелиняса, Валдиса Лукса, Мирдзы Кемпе. И это далеко не полный список авторов, чье творчество в послевоенные годы получило широчайший резонанс и составляет основной актив латышской советской литературы. Ведущее место по праву занимает наша проза, — именно писатели-прозаики создали самые значительные произведения.

Отрадно отметить, что за последние годы в нашей литературе появилась целая плеяда новых имен — пришли молодые талантливые пополнения.

В период Великой Отечественной войны в центре латышской литературы было отражение героической борьбы советских воинов и партизан против фашистских захватчиков, отражение самоотверженного труда советских людей во имя победы и отражение судьбы народа на временно оккупированной врагом территории родной земли.

В послевоенный период весь народ был занят заживлением нанесенных войной ран, восстановлением разрушенного и перестройкой всей своей жизни на новых, социалистических основах. Эти всенародные усилия, естественно, стали главным содержанием, главной темой латышской литературы. Наши писатели создали немало произведений, правдиво отображающих этот период восстановления, ломки старого и утверждения нового в молодой латышской республике — Латвии. Особенно много внимания наши писатели уделяли коренным социалистическим преобразованиям в жизни латышского крестьянства. Этот тем посвящены роман Анны Саксе «В гору», повесть В. Берце «Первые одиннадцать», несколько пьес Анны Броделе и ряд других произведений.

Важное место в творчестве наших писателей занимает тема дружбы народов. Создавая правдивые образы советских людей, строителей новой жизни, наши литераторы воспитывают в читателе глубокие чувства любви, дружбы и уважения к русскому народу, ко всем братьям народом нашей страны. Значительное место тема дружбы и братства народов занимает в таких книгах, как «Пробудет в тучах» Андрея Упита, «В гору» Анны Саксе, «Путь жизни» Жана Гривы, «За нами Москва» Яна Гранта. Этот тем посвящены лучшие произведения латышской советской поэзии, среди

которых следует назвать сборник стихов Яна Судрабальна «В братской семье». Значительное место занимает эта тема и в творчестве А. Григулиса, В. Лукса, Ф. Роккелиняса, М. Кемпе, Я. Грота, Ю. Ванга, А. Имерманиса и других наших поэтов.

В короткой газетной статье невозможно дать полный обзор литературы всего народа, нельзя даже просто перечислить наиболее значительные произведения, — приходится ограничиться короткими замечаниями о некоторых основных проблемах, которые латышским советским писателям предстоит решить.

Несмотря на очевидные достижения, латышская советская литература все еще имеет ряд серьезных пробелов, о которых неоднократно говорилось на съездах и пленумах Союза писателей Латвии, на собраниях литераторов, на страницах печати. Но нельзя не сказать об этом снова. Что это за пробелы?

Мало еще у нас книг, в которых изображено славное революционное прошлое латышского народа, героическая борьба латышского рабочего класса плечом к плечу с русскими товарищами против царского самодержавия. А ведь есть о чем писать: в революции 1905 года латышский пролетариат находился в первых рядах борцов против самодержавия, — сколько ярких революционных личностей, сколько удивительных подвигов осталось в памяти народа! Разве это не заслуживает внимания художников слова? Конечно, у нас есть произведения о революции 1905 года, но это пока что только подступы к грандиозной героической картине, и удовлетвориться этим мы, безусловно, не можем.

Другой большой пробел — это отсутствие в латышской литературе крупных, монументальных произведений, в которых был бы показан во всей своей могучей рост латышского рабочего класса участником Великой Октябрьской социалистической революции, тот, кто бесстрашно шел вместе с русскими братьями на штурм старого мира, кто в жестоких боях гражданской войны громил банды внутренней контрреволюции и ипостраничных интервентов, кто с первых дней революции без колебаний последовал за великим Лениным, кто участвовал в создании первого в мире государства рабочих и крестьян. А легендарные латышские стрелки, стражи революции, герои Перекоса, беззаветно преданные делу народа, делу великой партии коммунистов! Где та книга — литературный памятник, в которой в полную художественную силу был бы создан благородный образ старого латышского стрелка? Кто-то о нем написано, но пока это робкие попытки.

Имеется у нас также пробелы, относящиеся к современному периоду жизни латышского народа. Довольно много написано о новой жизни латышского села, о наших колхозах, но незаслуженно мало внимания латышские советские писатели уделяли нашему современному рабочему классу, тем, кто создает могучую советскую индустрию. А ведь без их труда невозможно создание материальной базы коммунистического общества, немалым несокрушимым экономическая и оборонная мощь Советского государства. Сколько тут прекрасных людей, сколько больших, захватывающих дел, достойных писательского пера!

О партии, о ее роли во всей нашей жизни написано много. Пожалуй, не найдется в нашей современной литературе такого произведения, в котором не были бы представлены образы коммунистов и партийных работников. Но мы должны со всей самокритичностью признать, что никому из нас, латышских советских писателей, до сих пор не удалось создать настоящего, полнокровного, живого и убедительного образа партийного работника, — идейного вожака и вдохновителя масс. Присходит это, на мой взгляд, потому, что мы обильно, схематизируем этот образ, выдумываем его. Вводим партийного работника в число действующих персонажей литературного произведения, мы часто исходим из предвзятых схематичных представлений о его сущности, наделяем его определен-

9 ДЕКАБРЯ в Москве начинается декада литературы и искусства Латвийской ССР.

В течение декады латышские писатели встретятся с москвичами в домах культуры, клубах, концертных залах. Предстоят читательские конференции и лекции о творчестве А. Упита и В. Лайца, общегородская встреча со школьниками. В Союзе писателей будут обсуждены произведения прозы, поэзии, драматургии и детской литературы, а также произведения русских писателей, живущих в Латвии. В Центральном Доме литераторов откроется выставка книг латышских писателей.

Во время декады будут широко показаны достижения театрального и изобразительного искусства, музыки и самодельного творчества латышского народа.

Московские зрители увидят в постановке Театра оперы и балета Латвийской ССР первую латышскую советскую оперу «К новому берегу» М. Зарина (по одноименному произведению В. Лайца), «Банюту» А. Кальныя, «Сакту свободу» А. Скулте, «Лайма» А. Лепина, а также «Сказание о граде Китеже» Н. Римско-Горского.

Коллектив Академического театра драмы готовит к декаде пьесы: «Крестьянские куряны» Н. Подогина и «На дне» М. Горького, инсценировки романа «Земля зеленая» А. Упита и «Целлюкс» П. Розита, комедии Р. Блаумана «Дни портыны в Симлахах». В репертуаре Художественного театра имени Я. Райниса — «Вей, ветерок» Я. Райниса, «Тени» М. Салтыкова-Щедрина, «Ромео и Джульетта» В. Шекспира, новая драма Ю. Ванга «Корабль выходит в море».

Готовятся к выступлениям в Москве симфонический оркестр латышского радио, латышский государственный хор ансамбль народной песни, музыки и танца Госфильмофонии, ведущие мастера искусства и молодые артисты республики, воспитанники рижского хореографического училища и музыкальной школы имени Э. Дарзиня.

В Москве покажут свое искусство и четыре участника художественной самодеятельности. Среди них — объединенный хор колхозов «Земля друзей» («Золотая нива») и «Сарканыс Октябрис» («Красный Октябрь») Цесисского района, этнографический ансамбль Барского и Ницкого сельсоветов, ансамбль колхоза имени Жданова Прейльского района.

ними номенклатурными атрибутами и лишая таких человеческих качеств, которые присущи всем другим людям, но почему-то «не подходят» ему — партийному работнику. Пока наш литературный персонаж является «просто» человеком, он и получается у нас таким — человек как человек: он и любит уют, и веселится, и горевает, бывают у него и свои человеческие слабости. Но едва он становится официальным партийным лицом, как сразу тервет многие свои человеческие качества и превращается в какого-то сентанта, критикана и вечного дидактического названного поучителя, превращается в человека, который обязательно во всем умнее всех — и не по своему жизненному опыту, а лишь в силу своего служебного положения.

Чтобы правдиво, полномерно и художественно убедительно изобразить какое-либо явление жизни, надо хорошо знать то, что ты изображаешь, иначе приходится выдумывать. Чтобы создать художественно полноценный, правдивый и убедительный образ партийного работника, надо знать его восторженно, во всей полноте его деятельности. Только тогда вместо навязчивой схемы получится яркий образ настоящего, живого человека — коммуниста. Лучше знать жизнь и людей — глубже, ближе, непосредственней, чем вчера и сегодня, — такова задача каждого писателя, который претендует на высокое звание инженера человеческих душ.

К сказанному следует прибавить еще несколько слов о мастерстве. Какой бы являющейся и важной ни была та или иная тема, как бы актуален ни был тот или другой вопрос, к которому обращается писатель в своем произведении, — этого мало. Художественное произведение не может быть рождено одной лишь значимостью темы и актуальностью содержания, оно должно быть облечено в художественно полноценную форму. В сожаление, есть еще у нас такие писатели, которые спекулируя на актуальности разрабатываемой темы, забывают о мастерстве и в результате создают серые, а то и просто халтурные произведения. Иногда кое-кто из критиков даже хвалит их за то, что они, хотя и неудачно, но первые коснулись той или другой нетронутой темы. Зря хвалят! За что же хвалить их? Только за то, что они показали всем, где лежит материал (который и без них скоро обнаружат), или за то, что они так бесовски непогнали этот прекрасный материал!

Без мастерства не может быть искусства. Нам нужны не суррогаты, а настоящие творения советской литературы, достойные великого советского народа.

Вот некоторые замечания, которые я хотел высказать в связи с предстоящей декадой латышской литературы и искусства в Москве.

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Завтра — День артиллерии. Начиная с 1944 года, страна наша ежегодно в этот день чествует своих славных артиллеристов и тех, кто создает ее первоклассную боевую технику. Празднование это связано у нас с воспоминаниями о Великой Отечественной войне, о том осеннем дне 1942 года, когда могучие раскаты артиллерии возвестили о начале победного наступления советских войск под Сталинградом.

Мы вправе гордиться подвигами своей отечественной артиллерии, появившейся на Руси около 600 лет назад. С той поры каждый раз, когда нашему народу приходилось отбивать нападения иностранных захватчиков, артиллеристы всегда были в первых рядах защитников Родины. Русское артиллерийское оружие всегда считалось наиболее грозным и совершенным. А в наше время, благодаря могучей социалистической индустрии, советская артиллерия имеет самую совершенную, первоклассную технику.

Настойчиво и последовательно борется наша страна за мир и дружбу между народами. Но знаем мы — не переставая еще в мире силы войны. Потому и не ослабеваем мы свою бдительность, потому и несем свою армию и ее главную ударную силу — артиллерию. Пусть же совершенствуются ее мощь и мастерство во имя защиты мира и мирного труда советского народа.

Шли последние месяцы Великой Отечественной войны. Мощным потоком двигались на запад танки, артиллерия, мотоциклы. Среди этой лавины была и скромная стоимилметровая противотанковая пушка № 7103. Ее голос звучал и в дни знаменитой Висло-Одерской операции, и у озера Балатон, и при освобождении Праги.

Командир расчета этой пушки, старший сержант У. Андриенко был награжден шестью боевыми орденами и медалями. Но одна деталь отличала эту пушку от других — на ней была укреплена медная табличка с надписью: «Моему дяде Андриенко Устину Федоровичу. Пусть мой скромный подарок ускорит разгром фашистской Германии».

Ваш племянник Толя Андриенко. Как шутили артиллеристы, орудие было собственностью двадцатилетнего мальчика. В 1944 году, возвратившись вместе с семьей в освобожденную Одессу, Толя нашел на дворе своего дома металлическую запальную балку — клад, стоимость которого была определена примерно в полтора миллиона рублей. Мальчик сдал драгоценности в фонд обороны страны и попросил: «Сделайте, пожалуйста, самую лучшую пушку и передайте ее моему дяде Устину Федоровичу. Он артиллерист».

Просьба юного патриота была

выполнена. В январе 1945 года орудие с медной табличкой начало свой боевой путь. Оно было вручено старшему сержанту У. Андриенко.

С тех пор прошло десять лет. Пушку № 7103 разыскали сотрудники Ленинградского артиллерийского исторического музея. Орудие заключает сейчас эпопею, рассказывающую о победах нашей армии в годы Великой Отечественной войны. Ну, а какова судьба юного патриота Толи Андриенко? Уже в годы войны зародился в нем мечта стать артиллеристом. И эта мечта сбылась: сейчас Анатолий Андриенко — курсант артиллерийского училища.

И. МАСЛЕННИКОВ

П у ш к а № 7103

ЛЕНИНГРАД

ДРУГ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

К 80-летию со дня рождения М. И. Калинина

М. И. Калинин в феврале 1939 года среди писателей, награжденных орденами СССР (слева направо): В. И. Лебедев-Кумач, М. И. Калинин, М. В. Исаковский, А. С. Новиков-Прибой, К. А. Тренев, М. С. Шагинян и В. Н. Биляль-Белоцерковский.

Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Михаил Иванович Калинин был большим знакомым и другом советской литературы.

В его многочисленных речах, беседах и статьях содержатся блестящие характеристики литературных направлений, меткие оценки произведений классиков русской и мировой литературы, творчества советских писателей.

Всю свою свежесть и актуальность сохранили речи М. И. Калинина на Всесоюзном совещании крестьянских корреспондентов в 1924 году и на собрании работников искусств Москвы в 1939 году, его беседы с молодыми крестьянскими писателями в 1934 году, с корреспондентами «Известий» и Всесоюзного радиокомитета. Занятый большой государственной и партийной работой, он находил время для частых и задушевных бесед с деятелями искусства и литературы.

В высказываниях М. И. Калинина поднимались вопросы об овладении марксистско-ленинским учением работниками искусства и литературы, о социалистическом реализме, об использовании культурного и литературного наследства, вопросы художественной формы и многие другие. Эти высказывания и поныне являются образцом борьбы за высокую цельность советской культуры и литературы, достижения которых М. И. Калинин высоко ценит.

Не раз отмечал М. И. Калинин огромную воспитательную силу писательского слова. В одной из статей периода Великой Отечественной войны он указывал, что в течение двух десятилетий все основными типами нашей литературы были строитель, организатор производства, аграрник, культурник и это оказало большое влияние на формирование сознания советского человека. Подчеркивая воспитательное значение литературы, М. И. Калинин в беседе со студентами Института государственного права и государственного управления 28 мая 1938 года указывал: «Имейте в виду, что беллетристика — это одно из важнейших пособий для наших работников... Беллетристика для нас — это не только искусство, это физиология для медика. Медик изучает человеческое тело, а беллетристика учит познавать людские характеры. В вашей работе знание беллетристики вам поможет в понимании людей».

Обращаясь к комсомольцам, учащейся молодежи, Михаил Иванович призывал их воспитывать в себе те лучшие качества большевиков, которые даны в нашей советской литературе.

В современной литературе, по его мнению, не хватает героев, достойных подражания. Возьмите «Как закалялась сталь» Островского, «Энергия» Гладкова и целый ряд других произведений художественной литературы, в которых выведены замечательные люди.

Видя в литературе мощное средство коммунистического воспитания, М. И. Калинин подчеркивал необходимость подчинить вопросы развития литературы практическим задачам социалистического строительства.

Постоянно следил М. И. Калинин за развитием советской литературы, помогал ее росту, оказывая действительную творческую помощь многим писателям. В подтверждение этого можно привести многочисленные факты. Вот некоторые из них.

Одним из самых любимых писателей Михаила Ивановича был Горький.

— Максим Горький, — говорил Михаил Иванович в речи, произнесенной на собрании работников искусств в 1939 году, — первый в романе «Мать» дал художественные образы революционеров из рабочего класса и тем самым положил начало протекторской художественной литературе...

Горько приветствовал Калинин Горького в день 40-летия его литературной деятельности в 1932 году.

Большое значение придавал М. И. Калинин творчеству Демьяна Бедного в первые годы советской власти. В обращении к поэту, в связи с награждением его орденом Красного Знамени в 1923 году, он от имени Президиума ВЦИК писал: «Произведения ваши — простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, заглянули революционным огнем сердца тупящихся и укрепляли бодрость духа в тупящихся минуты борьбы».

Исключительно высоко ценил М. И. Калинин творчество Маяковского. В докладе о коммунистическом воспитании на собрании партийного актива Москвы 2 октября 1940 года Михаил Иванович говорил: «Мне кажется, величайшим образцом служения советскому народу является Маяковский. Он считал себя бойцом революции и был таковым по существу своего творчества. Он стремился слить с революционным народом не только содержание, но и форму своих произведений, так что будущие историки наверняка скажут, что его произведения принадлежали великой эпохе ломки человеческих отношений».

— Его «Тихий Дон» я считаю нашим лучшим художественным произведением, — говорил он в беседе с молодыми крестьянскими писателями. — Отдельные места написаны с исключительной силой. А писал человек в провинции, в станице. Но по языку чувствуется, что он много и упорно учился и никакие журналы да начинающие ему не помогали. И не верю, чтобы он написал «Тихий Дон», не будучи хорошо знаком с нашими классиками.

Михаил Шолохов, вспоминая о встрече с М. И. Калининым, рассказывает, как, будучи еще тяжело больным, Михаил Иванович продолжал глубоко выживать в литературные дела, как он предостерегал писателя от возможных ошибок в творчестве и научившись «создать такую книгу, чтобы она была достойна внимания народа».

Многолетние теплые отношения связывали М. И. Калинина с Федором Гладковым, за творчеством которого он очень внимательно следил.

Высокую оценку дал М. И. Калинин роману «Люди из заложества» Ал. Малышкина, привел этот роман как пример произведения, созданного методом социалистического реализма. Из надписи на книге, хранящейся в фондах Музея М. И. Калинина, видно, что он читал роман в первом варианте, опубликованном в «Новом мире». Уточняя замечания М. И. Калинина, автор добрал роман.

В годы Великой Отечественной войны М. И. Калинин особо отметил произведения Р. Симонова, И. Эренбурга, Б. Горбатова, А. Корнейчука, В. Гроссмана, А. Довженко, И. Тихонова, подчеркивая значение их творчества для мобилизации советского народа на разгром врага.

В библиотеке Калинина хранится много книг, подаренных Михаилу Ивановичу их авторами и надписями, в которых писатели выражают ему свою сердечную признательность за заботу о советской литературе.

Исключительно тесной и плодотворной была связь М. И. Калинина с журналом «Новый мир». Михаил Иванович в течение долгого времени участвовал в работе редакционной коллегии. Он часто встречался с коллективом сотрудников журнала, присутствовал на заседаниях редакционной коллегии, читал рукописи признанных в отношении художественных произведений.

Высоко оценивая успехи советской литературы, М. И. Калинин был вместе с тем строгим и принципиальным критиком ее недостатков.

Писатели Федор Гладков и Михаил Шолохов, вспоминая о встречах с М. И. Калининым, приводят некоторые его критические высказывания.

— Советская литература — огромная идеяная сила, — говорил Михаил Иванович. — Но не всегда я вижу проявление ее лучших свойств. Я и говорю о признанных произведениях советских писателей. Но в ряде случаев писатели остаются от жизни. Многие из них пишут о том, что всем давно известно, и не всегда встречают свежую, оригинальную мысль... И язык какой-то сухонный.

— Поищите, мы, читатели, хотим от вас, писателей, не просто книг, а хороших книг, глубокой и всесторонне отражающих нашу жизнь... А о таком грозном событии, как минувшая война, из которой наш народ вышел с победой, а великой честью, мы тем более хотим читать настоящие книги, такие книги, которые жили бы, ну, скажем, десятилетия, если не говорить о большем. А то ведь как у некоторых писателей получается? Не выносишь, не выдержишь, но обдумал как следует, поспешил и вот, извольте, готова книга-полеска, а то, чего доброго, и две в год... А хорошая книга, по моему, та, у которой под обложкой жизнь нудысирет, как кровь под кожей, которая запомнилась, если не навсегда, то надолго, которую еще раз захочется перечитать.

М. И. Калинин оказывал пример чуткого отношения к молодым, начинающим писателям, учил высказывать и растить таланты. Многие присылали на отзыв ему свои первые произведения. Он подбирал начинающим словом и советом. Вместе с тем Михаил Иванович требовал от молодых писателей, чтобы они росли идейно, расширяли свой кругозор, накапливали больше жизненных наблюдений и учились у мастеров — классиков и современников.

Молодым писателям, которые жаловались, что их не печатают, Михаил Иванович по-отечески советовал: «Только не надо теряться. В особенности не теряться, когда ваше произведение забраковали. В таких случаях вы должны себе говорить: «Забраковали — нашу вторую работу, забракуйте — нашу еще». Если не хочется писать, лучше не пишите. А если хотите писать, с упорством добивайтесь своего... Только тогда вы будете писать по-настоящему и сделаетесь настоящими советскими писателями».

Считая советскую литературу самой передовой литературой мира, подчеркивая ее заслуги перед народом, М. И. Калинин постоянно заботился о создании новых художественных ценностей, которые сделали бы духовный мир советских людей еще более богатым, ярким, красочным. А для этого, говорил он, «надо быть в искусстве революционером, нескателем, боримом во имя большого всеобщего идеала».

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«БОГАТСТВО И РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬ»

В передовой статье под таким заголовком, опубликованной в номере от 13 октября, были обобщены вопросы, которые наша газета в течение года ставила перед Министерством бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР и Министерством лесной промышленности СССР. Чтобы дать больше бумажной продукции, нужны совместные усилия этих министерств: работники лесной промышленности обязаны бесперебойно снабжать сырьем (древесиной) бумажные фабрики и комбинаты, а работники бумажной промышленности — уметь и бережно использовать это сырье для увеличения выпуска бумаги и улучшения ее качества. В частности, важно повести решительную борьбу с потерями древесины как на лесозаготовках и лесосплаве, так и на самих бумажных фабриках и комбинатах.

Заместитель министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности тов. Н. Чистяков сообщил редакции, что коллегия министерства рассмотрела статью «Богатство и расточительство» и признала критику в адрес министерства справедливой. Министерство намерено и осуществлять ряд конкретных мер для сокращения потерь сырья и полуфабрикатов. Вместе с тем коллегия поручила директорам целлюлозно-бумажных предприятий также детально рассмотреть статью «Богатство и расточительство» и письма «От лесосеки до фабрики», помещенные в «Литературной газете» в сентябре и октябре, и разработать меры по снижению потерь древесины. Министерством бумажной и деревообрабатывающей промышленности союзных республик и главным производственным управлениям предложено установить строгий контроль за выполнением этих мероприятий.

Министерство утвердило график поставки бумаги центральным издательствам Министерства культуры СССР. По этому графику выполняется поставка печатной бумаги.

От Министерства лесной промышленности СССР редакция, к сожалению, еще ответа не получила.

СТРОИТЕЛЬСТВО КИНОТЕАТРОВ В СТОЛИЦЕ

Начальник Управления культуры исполкома Моссовета тов. К. Ушаков рассказал нашему корреспонденту, какие меры принимаются в настоящее время для улучшения кинообслуживания населения столицы.

— Как уже отмечалось в печати, — сказал тов. Ушаков, — существующие кинотеатры по своей вместимости не обеспечивают потребности москвичей, а в ряде случаев не удовлетворяют и по качеству обслуживания. Правда, за последние год-полтора в этом отношении произошли некоторые положительные сдвиги. Построено восемь новых кинотеатров, полностью отремонтировано еще пятнадцать, за короткий срок нам удалось переоборудовать под широкий экран «Форум» и «Художественный». Но все эти меры не носили радикального характера. Объем строительства, его темпы не могли удовлетворить запросы столичного зрителя.

— В настоящее время, — продолжал тов. Ушаков, — принято решение правительства об улучшении кинообслуживания населения Москвы. Согласно этому решению намечена широкая программа строительства кинотеатров. До нового года должно быть введено в строй 3 кинотеатра на 800 мест. Только в 1956 году Москва должна получить десять новых кинотеатров на 4900 мест. В 1956 году предполагается начать строительство еще 7 новых зданий общей вместимостью свыше 5 тысяч мест с окончанием их в 1957 году.

В настоящее время разрабатываются проекты зданий на восемьсот, тысячу, тысячу двести, тысячу шестьсот мест. Будут приняты те типы кинотеатров, которые окажутся в условиях Москвы практически наиболее рентабельными.

Все новые кинотеатры в отдельных зданиях будут сооружены так, чтобы в них было возможно демонстрировать фильмы на широком экране. Это открывает большие возможности перед деятелями кино, работающими над широкоэкранными фильмами. Но, с другой стороны, предъявляя к ним большие требования, нельзя, чтобы широкий экран оставался пустым. А ведь сейчас даже два имеющихся широкоэкранных театра Москвы вынуждены большую часть времени работать на обычном экране, так как новых художественных широкоэкранных фильмов нет.

Сейчас еще трудно сказать, каковы будут все те кинотеатры, которые предстоит построить до 1960 года, где они будут расположены. Но строительная программа будущего года уже примерно ясна.

На Добрынинской площади будет сооружен широкоэкранный кинотеатр на 700 мест, в Ждановском районе — в Новоселенском проезде и в Краснопресненском — на Мануильском улице также будут построены новые кинотеатры на 800 и 600 мест. Кроме того, предусматривается строительство нескольких встроенных кинотеатров. Одновременно со строительством новых кинотеатров будут приводиться в порядок старые. В течение 1955—1957 годов должен быть произведен капитальный ремонт всех московских кинотеатров.

НАУЧИТЬ РЕБЯТ ЛЮБИТЬ И ПОНИМАТЬ ИСКУССТВО

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ

Однажды в Московском городском доме пионеров я встретился со школьниками. Собралось более трехсот ребят разных возрастов из многих школ столицы. После моего вопроса: «Кто из вас, ребята, был в Третьяковской галерее?» — робко поднялось только около двадцати рук. Этот случай заставил меня задуматься. В чем дело? Ведь каждому педагогу должно быть ясно, что ничто не может так привлечь любовь к изобразительному искусству, развить эстетическое чувство у ребят, как посещение Третьяковской галереи. И никакое посещение для школ Москвы, так как сокровищница русского классического искусства находится тут же рядом, под боком. То же можно сказать и о школах других крупных городов, в которых существуют картинные галереи и музеи.

Мне доводилось много раз беседовать с юношами и девушками, только что окончившими десятилетку. Это зачастую различные развитые молодые люди, бойко поддерживающие разговор на любую тему: будь то литература, театр или другая область культуры, науки или техники. Но самые простые вопросы о Федотове, Крамском или Левитане вызывают у них смущение. Чувствуется абсолютная беспомощность этих молодых людей в вопросах изобразительного искусства, непонимание ценности произведений великих художников прошлого, неумение отличить живописный шедевр от второстепенной вещи. Конечно, необходимо научить ребят хотя бы элементарно рисовать, но еще важнее с ранних лет развивать у них понимание искусства, прививать им любовь к истинно красивому, умение отличать прекрасное от фальшивой красоты, то есть развивать их эстетический вкус.

До сих пор наша молодежь выходит из стен школы совсем неподготовленной в области графических наук. Многие выпускники очень скоро начинают чувствовать этот пробел в своем образовании. Отсутствие элементарных навыков в рисовании дает себя знать в большинстве специальностей, которым может посвятить себя молодой человек. А между тем преподавание рисования в наших школах до сих пор поставлено из рук вон плохо. Трудно определить, что именно более всего мешает наладить этот отстоящий участок в системе школьного воспитания. Крестом на главной причине в плохой подготовке учителей рисования, в отсутствии четко разработанной методики преподавания этой дисциплины, в острой же нехватке наглядных пособий, дает им себя знать то, что у нас нет учебника по рисованию, или основное зло заключено в том, что этот предмет является незадачным и многие директора школ и преподаватели смотрят на него, как на предмет «второстепенный», — сказать трудно. Мне кажется, что в сумме все эти и еще многие другие факторы и создают то нетерпимое положение, при котором из наших школ выходит молодежь, чувствуя себя беспомощной при посещении любой художественной выставки, так как она не приучена «смотреть» произведения изобразительного искусства.

В подготовке учителей рисования встает единая государственная система. Как правило, рисование в школе преподают либо случайные люди, либо энтузиасты. Уроки рисования в школе в большинстве случаев проводят учителя, закончившие педагогические училища. Но эти училища не обеспечивают им достаточно художественной подготовки, так как состав преподавателей рисования там очень слабый. О том, что из 174 взятых на учет преподавателей рисования, работающих в педагогических училищах, высшее художественно-педагогическое образование имеют только 12 человек.

Молодые люди, поступающие в педагогические училища, не имеют никакой специальной подготовки, ибо уроки рисования кое-как ведутся в школе только до 7-го класса. Поэтому даже те минимальные знания по графическим дисциплинам, которые получают училищники, быстро ими забываются, и в училище они приходят, совершенно не зная ни теории изобразительного искусства, ни его практики. Иско, что объем курса по рисованию, рассчитанный в педагогическом училище с двухгодичным сроком обучения на 204 часа, достаточных знаний будущему педагогу дать не может, тем более, что при приеме в это учебное заведение степень подготовленности поступающего по рисованию не учитывается.

В системе народного образования сложилась неслучайная традиция подразделения учебных предметов на основные и второстепенные. К последним относятся рисование, черчение, ление, физкультура. Подготовкой учителей по «основным» специальностям ведет Министерство просвещения, а по «второстепенным» — большая часть различных ведомств, далекие от педагогической деятельности, от методов школьного воспитания. В результате их выпускники имеют очень низкую педагогическую подготовку, чувствуют себя беспомощными в педагогике и особенно в методике преподавания.

Не лучше обстоит дело и на единственном в стране художественно-графическом факультете Московского института имени Потемкина. Учебный план этого факультета дублирует средние художественные училища, что опять-таки объясняется низкой художественной подготовкой учащихся средних школ. Изучение специальных дисциплин в этом институте приходится начинать с азов, но программе средних художественных учебных заведений. Поэтому диплом об окончании вуза, который получают выпускники, не соответствует уровню их знаний по рисованию. Специалисты же, заканчивающие художественные институты Академии художеств или высшие художественные училища других ведомств, отличаются высокой подготовкой по своей специальности, но совсем не знакомы даже с основами педагогики.

В результате, несмотря на увеличение числа художественно-педагогических учебных заведений, более 40 процентов городских и сельских школ РСФСР до сих пор вообще не имеют учителей рисования. Выпускники училищ не хотят работать в школе, так как их труд оплачивается значительно ниже, чем труд преподавателей «основных» дисциплин.

Школам нужны люди, которым можно было бы поручить ответственное дело воспитания детей художественного вкуса. Но

Мне хочется привести пример того, как правильная методика постановки рисования, огромная любовь педагога к своему делу, умение заинтересовать ребят, заставить их серьезно заниматься изобразительным искусством приносят большие, плодотворные результаты.

Н. ЖУКОВ, народный художник РСФСР

Пока что таких людей, то есть преподавателей рисования, нет или, во всяком случае, их очень мало. Главным виновником непроизводительной запущенности этого участка школьного воспитания, безусловно, является Министерство просвещения, призванное руководить как подготовкой кадров школьных учителей, так и всей системой воспитания подрастающего поколения. Работники Министерства просвещения многие годы отмахиваются от решения этого важного вопроса.

Даже из очень беглого анализа основных причин плохой подготовки учителей рисования ясно, что пока не будут приняты серьезные меры для упорядочения дела, мы не можем сколько-нибудь серьезно говорить об улучшении эстетического воспитания школьников. Без художественно-педагогических училищ, образованных по различным ведомствам, необходимо, как мне думается, передать в ведение Министерства просвещения. Подготовка преподавателей рисования должна находиться в одних руках, проводиться так же планомерно, на базе единой научно обоснованной и четко разработанной учебной программы, как и подготовка учителей по «основным» предметам. А кто же должен этим заниматься, как не Министерство просвещения?

Пренебрежительное отношение к урокам рисования, как к «необязательным», незавидное положение преподавателей этого предмета привели к тому, что во многих школах рисование совсем снимают из расписания. Специально оборудованных кабинетов для рисования в школах нет. Их не предусматривают и при проектировании новых школьных зданий. Обычные же классные комнаты для рисования с натуры не приспособлены.

Школа часто не располагает необходимым набором нужных для занятий репродукций, так как ни Изюгин, ни другие издательства, выпускающие репродукцию, не учитывают требований педагогов. Между тем, например, в Чехословакии делают специальные портативные комплекты наглядных пособий для рисования, напоминающие по типу наш «Бонструктор», а у нас невозможно не только купить, но и взять на время в библиотеке даже репродукции картин выдающихся художников. Поэтому опытные в своем большинстве педагоги не умеют заинтересовать учащихся, и все занятия сводятся обычно к срисовыванию случайных картинок и предметам. Поэтому школьники обычно смотрят на уроки рисования, как на развлечение и свободное времяпровождение. А ведь, как правило, дети любят рисовать, особенно красками. И от педагога зависит направить это увлечение подростка к воспитательной потребности отражения захвативших его жизненных впечатлений.

Естественно, что не из каждого может получиться музыкант или художник, но каждого человека можно сделать грамотным в области искусства, чтобы и музыка и живопись не были чужды ему, чтобы они были насущной потребностью его духовной жизни. Для этого необходимо с ранних лет развивать в ребенке образное мышление. Если педагог в школе, к примеру, прочтет ученикам маленький рассказ, а потом даст задание сделать рисунок к этому рассказу, и наоборот, — по популярной картине попросит ребят написать рассказ, то, мне думается, такая форма преподавания окажется весьма полезной. Метод взаимосвязи рисования и литературы может привить ребенку интерес к искусству.

Очень важно, чтобы уроки рисования обязательно сопровождалось наглядными пособиями: репродукциями, гипсами, различными предметами. Не менее важно на примере жизни и творчества великих художников-реалистов показать искусство, как большой труд художника, как результат его знания жизни, его любви к человеку и природе. Ясно, что для этого у педагога должна быть необходимая подготовка.

Когда я наблюдаю за экскурсиями школьников в картинных галереях и музеях, у меня всегда возникает вопрос: правильно ли они проводятся? Мне кажется, что нет! Экскурсовод ведет группу зрителей от картины к картине, из зала в зал и бесостановочно выкладывает наизусть заученные фразы. Я видел, как многие из того, что говорил экскурсовод, вызвало у ребят желание возразить, высказать свое мнение. Но сама форма экскурсии-лекции не позволяет сделать беседу активной. Мне думается, что если бы экскурсовод знакомился вначале со степенью подготовленности своей группы, с интересами и взглядами школьников, спрашивал их мнение о различных произведениях, превращая общение со зрителем в живую беседу, подчеркивая верные и ошибочные оценки, то, безусловно, такая форма экскурсий была бы куда плодотворнее.

Такую же форму активной беседы, мне кажется, надо проводить и педагогу в школе на уроках рисования, знакомя учеников с произведениями художников. Это обязательно вызовет в жизни верное, самостоятельное отношение школьника к произведениям искусства, и тогда, естественно, увеличится как интерес к самому предмету, так и авторитет педагога. Такие беседы необходимы еще и для того, чтобы научить детей верно смотреть и понимать картины или скульптуру, так сказать, правильно «поставить им глаз».

В первых классах ребята читают в школе много стихов, басен, сказок, рассказов. Это развивает и укрепляет память детей, воспитывает у них любовь к родному языку, развивая образное мышление. Думается, что одного рисования с натуры, так же как заучивания наизусть стихов или чтения книг, недостаточно для общего развития и укрепления памяти. В методике преподавания рисунка в школах совершенно не практикуются задания выучить наизусть, то есть рисовать по памяти. А именно такие задания укрепляют и развивают память, приучают ребят к зоркому, активному видению окружающего мира. А это, в свою очередь, благотворно отражается на общей культуре школьников.

Мне хочется привести пример того, как правильная методика постановки рисования, огромная любовь педагога к своему делу, умение заинтересовать ребят, заставить их серьезно заниматься изобразительным искусством приносят большие, плодотворные результаты.

При Московском городском доме пионеров есть изостудия, бесчисленным количеством которой более двадцати лет является Александр Михайлович Михайлов — чуткий педагог, влюбленный в свою профессию, в искусство; он весь свой талант учителя отдает благородному делу эстетического воспитания подрастающего поколения. Конечно, изостудия при Доме пионеров — это не то же самое, что класс в школе, так как сюда приходят ребята с определенными способностями. Но обычно эстетический вкус у этих ребят так же мало развит, как и у всех школьников, а порой испорчен мешанинским окружением домашней обстановки. Поэтому основной задачей Михайлов считает именно воспитание вкуса. В беседах, на экскурсиях, на прогулках за город он настойчиво воспитывает у ребят чувство прекрасного. Основными его верными помощниками в этих занятиях являются природа, натура. Он обращает внимание детей на гармоничное сочетание красок в природе, на окраску крыльев бабочки, цветка и сразу же объясняет на наглядных примерах, как эта естественная гармония цветов преломляется в произведениях больших художников.

Михайлов и другие педагоги изостудии проводят с ребятами часы бесед о живописи, рисунке, художественном воспитании и т. д. Изостудия не ставит перед собой задачу привить ребятам профессиональные навыки. Главное — развить вкус, научить видеть прекрасное в природе, в жизни, привить любовь к труду, к творчеству. И совсем не все учащиеся изостудии становятся впоследствии художниками. Но здесь закладывается фундамент воспитания хорошего вкуса. Такой же хорошей постановкой дела отличается и работа изобразительного кабинета Дома пионеров.

Большую роль в эстетическом воспитании молодежи должны играть внешкольные занятия с ребятами по рисованию. Кроме изостудий в домах пионеров, существуют изостудии и в школах. Ребята охотно занимаются в них, но опять-таки далеко не всюду руководители этих кружков умеют заинтересовать детей, построить свою работу так, чтобы увлечь ребят организацией художественных выставок и конкурсов внутри школы, между школами, районами, работой по украшению школьного здания, оформлению стенгазет и т. п.

Как бы итогом всей внешкольной работы по изобразительному искусству служит ежегодно проводимая в Москве Всесоюзная выставка изобразительного творчества детей. Ей предшествуют выставки, устраиваемые в городах, районах, областях, республиках. Таким образом, к участию в подготовке к Всесоюзной выставке привлекаются многие тысячи ребят. Такие выставки должны были бы стать методическим центром для обмена опытом работы, для проведения консультаций и т. д. Но до сих пор никакая методическая и научная работа на материале выставок не ведется.

Раньше наиболее эффективной, доступной и охватывавшей большое количество ребят формой внешкольной работы по рисованию были конкурсы, проводившиеся журналом «Юный художник», который сейчас не выпускается. Эти конкурсы приобщали к изобразительному искусству детей самых отдаленных уголков нашей страны, развивая, обогащая и повышая уровень их знаний не только по рисованию, но и по всем общеобразовательным предметам. Они также помогали и учителям рисования. Теперь эта полезная форма работы с детьми почему-то совершенно забыта. Кроме того, внешкольная работа с ребятами сельских школ вообще плещена на самотек. Если городскими домами и дворцами пионеров руководит организационно-педагогический отдел по внешкольной работе Министерства просвещения, то кто занимается внешкольной работой на селе, неизвестно, так как Всесоюзный дом народного творчества имени Крупской, имеющий отдел изобразительного творчества, никакой работы с детьми не ведет.

В какой-то мере вопросы преподавания рисования в средней школе давно должна была заняться и Академия художеств СССР. Между тем Академия художеств и ее Институт теории и истории изобразительных искусств совершенно не принимают участия в разработке теоретических вопросов, связанных с методикой преподавания рисования в школе, в создании учебника по рисованию для школ, пособий для учителей и т. д. А кому, как не научным работникам-искусствоведам, следовало бы заняться разработкой теоретических вопросов, связанных с улучшением преподавания рисования в школе?

Когда-то Академия художеств не выпускала из своего поля зрения дело художественного образования детей. При академии существовали специальная школа и педагогические курсы, окончание которых давало право преподавать рисование в гимназиях и реальных училищах. Существовало также общество учителей рисования, которое имело свой журнал, издательство и склад учебных пособий. Неплохо было бы сейчас Академии художеств СССР возродить некоторые забытые традиции — это пойдет на пользу нашей школе.

Мы хотим видеть нашу молодежь разносторонне развитой, хорошо понимающей и чувствующей красоту самодетерминированного человека, красоту родной природы, получающей эстетическое наслаждение от соприкосновения с искусством, с прекрасными творениями человеческого разума, человеческого вдохновения. Это возможно осуществить в полной мере только в том случае, если мы научим ребят с ранних лет понимать прекрасное. Это понимание прекрасного, кроме практических навыков в графических науках, уже могут дать уроки рисования. Поэтому разговор об улучшении преподавания рисования в школе, о том, что необходимо принять серьезные меры, которые обеспечат высокий уровень преподавания этого предмета, должен волновать всех, кому дорого воспитание подрастающего поколения.

Поэзия жизни и привычные слова

Есть такие явления жизни, которые интересуют всех, волнуют каждого человека, — независимо от его наклонностей, профессии, жизненного опыта. Поэт Я. Ошанин в своем новом сборнике «Тебе, мой друг», сборнике, посвященном людям разных поколений, пишет именно о таких явлениях. О мире, одинаково дорогим для пожилого, «в усах седоватых», сталинградского механика и его маленькой дочки (стихотворение «Таня с улицы Мира»); о «единственном», единственном, особенно любимом в жизни; о любви, которой, как известно, все возрасты покорны. И многое в сборнике написано хорошо, поэтически выразительно, по-настоящему взволновано — «Баллада о немецком солдате», «Грузовик из Туринии», «Давид удем в дальние края...». Некоторые песни, включенные в сборник, уже получили распространение среди молодежи: «Песня московских студентов», «Я тебя найду», «Школьная полька».

Есть в сборнике диал «Маленьких поэм». О них нам хотелось бы поговорить несколько подробнее, потому что они, во-первых, наиболее содержательны, а во-вторых, в них отчетливо отразились и достоинства и недостатки сегодняшней поэзии Я. Ошанина. Достоинства — когда поэт близок к действительным явлениям жизни; недостатки и просчеты — когда ясное понимание и четкое изображение самих этих явлений заменяется у него общими словами, рассуждениями по поводу...

Вот небольшая лирическая поэма «Начальник района прощается с нами». Это портрет старого строителя, краткая характеристика его жизни. Сдержанно рассказывает поэт о большом человеке, отдавшем все свои силы напавшим строителям, о человеке, чьи «папки... рапорты и приказы» — история наших великих строителей». Вспоминается Батманов, тоже «немного сутулый, немного усталый», тоже мучившийся от сознания того, что не всегда он находил время для семьи. И наверняка, так же, как герой Ошанина, Батманов, — приди и к нему тяжела болезнь, — не мог бы забыть «об бетоне и железе», так же мечтал бы он о деле:

Ему б ни чинов, ни отличий...
Приняться,
Од слишком привык к этим крамам
Легчиним —
Ему бы остаться, хоть на год остаться
Прорабом, десятником, машинистом...
А дышит язяко, а дышит худо.
Последняя ночь. Он улетит отсюда.
Но здесь он останется прочным бетоном,
Текучей водой, нержавеющей сталью,
Людьми, что он вырастил, —
Целым районом,
Великую любовью и светлой печалью.

Когда думаешь, в чем причина творческой удачи Я. Ошанина в этой маленькой поэме, или в другой — «Зоя Павловна», или в «Балладе о немецком солдате», то приходишь к выводу, на первый взгляд несколько парадоксальному: поэт-лирик, каковым считается Ошанин, сумел рассказать о людях или не «от себя», а их голодом, или сам оставшись как бы в стороне. У Я. Ошанина лучшие стихи те, где автор непосредственно присутствует, где «лирического» героя нет. Конечно, это не значит, что мы не чувствуем отношения автора к изображаемому. Но мы думаем, что особенность дарования Я. Ошанина — это умение писать «о других», создавать портреты, подмечать интересные случаи в жизни, поэтически обобщая их. Здесь Я. Ошанин сильнее, чем в «чистой» лирике, Ошанин, если можно так выразиться, по творческой натуре своей больше эпик, чем лирик. Сам автор сборника вряд ли согласен с этим.

Лев Ошанин. «Тебе, мой друг». Изд. «Молодая гвардия», 1955.
Лев Ошанин. «Повесть о весне и двух студентах». «Огонек», № 17, 1955.

ли это ощущает, и отсюда, нам кажется, его беды и неудачи.
В нем, по нашему мнению, нужно отметить поэму «Наша Оля». Сюжет поэмы вкратце таков: Оля не прошла по конкурсу в институт, она очень тяжело переживает это событие, но затем, под влиянием матери, преодолевает робость перед самостоятельной жизнью и разочарование в себе. В конце поэмы Оля, гордая и радостная, едет на целину.

Важен и правлен авторский замысел — рассказать о судьбах двух комсомолов разных поколений, двух «Оль» — матери и дочери, напомнить молодому читателю, что всякий период жизни нашего общества богат героическими делами. Для Я. Ошанина тема двух поколений, тема воспитания молодежи нашего дня на примерах из жизни комсомольцев довоенных пятилеток, вообще характерна. Здесь у поэта есть безусловные заслуги. Но в поэме «Наша Оля» воспитания очень мало, его подменило скучное, менторское поучение: лирические монологи автора, то выходящие за пределы поэмы, то пренебрегая к мягкости и интимности, почти полностью вытеснили характеры персонажей, лишили их жизненной реальности. «Оль» — условные фигуры, выведенные затем только, чтобы дать несколько передохнуть «лирическому» оратору. А говорит оратор довольно давно известные вещи, и разнообразными модуляциями голоса этого не скропишь.

Может быть, читатель охотнее, чем поэму «Наша Оля», прочтет напечатанную в журнале «Огонек» «Повесть о весне и двух студентах», хотя в ней немало небрежностей стиха и рифмы. Поэт исходит из жизненно правдивой ситуации, намечает интересные, самостоятельно действующие характеры двух молодых людей. Поэт не лишает их права на собственный голос, а в своих авторских отступлениях стремится перейти от раздражающей назидательности к тактичному совету.

Направленность «Повести», ее общая мысль, собственно, та же, что и в «Нашей Оле»: в жизни надо идти трудными дорогами, никогда не утверждаться в мысли, что все уже потеряно. Но, будучи выражена как итог столкновения разных характеров, а не только в авторских восклицаниях, мысль эта убеждает гораздо сильнее.

Когда читаешь новые стихи Я. Ошанина о любви, тебя не покидает ощущение того, что автору нечего сказать «своего» об этом предмете, и он принужден или глубококомысленно говорить довольно известные вещи или подменять истинное чувство общими разговорами о чувстве.

Как любовь хранит от перемены,
Чтобы крепла, сколько ни живи?
Есть разлуки в жизни, есть измены,
А еще есть будни и любовь.
И в дровах, в капусте, в керосине
Так легко залупаться порой...
И совсем забыть, что очн сини
И что брови черные души.
Хлеб не куплен, каша пахнет дымом —
Не замечай, прости и позабудь.
Многое на свете поправимо,
А любви ушедшей не вернуть.

Все правильно: есть «будни», есть «слакоты и пороша», и надо найти в себе силы не заметить и преодолеть их. Но как сухо, как скучно-рецидивно об этом написано и как, по существу, — в обход действительной жизненной проблемы. Она ведь заключается не столько в том, что за бытовыми заботами и хлопотами забудешь про синие очи, а в том, что постепенно от «дров»,

«керосина» и т. п. «очи» и в самом деле теряют свой молодой блеск. Вот где бы должна идти речь о духовной красоте человека.

Также вне серьезных, по-настоящему глубоко поставленных вопросов семейной жизни, условными словами написан большой диал стихов об «измене» и «разлуке» — «Стихи об одной любви».

Она изменила своему мужу, муж мучается, ревнует, но потом прощает. Она возвращается...
У читателя возникает сразу же вопрос: почему она предпочла другого человека? Что с ее стороны было: случайное увлечение или долговое освобождение от жизни с незлым человеком, новая, по-настоящему большая любовь? Если мысленный «курортный» флирт, — а именно так хочет изобразить дело автор, — то надо ли столь долго рассуждать о красоте и величии настоящей любви? Может быть, ограничиться только этим?

Я слушаю сердце свое. Да,
Я сказал, что хватит силы
Не напомнить никогда
О том, что было.

Ну, и очень хорошо.
А если нет, если с ее стороны — это не увлечение, а большая любовь, то правильно ли тогда, что она возвращается? И что ее может удержать — призраки прошлого счастья с мужем, «далекий ветер юности былтой»? Или дети? Но детей она может потребовать себе. Или ей не важно, как растут ее дети, но тогда, кто же она и что объединяло двух героев поэмы, в чью совместную жизнь несомненно вошел некто (по поэме неизвестно кто) третий?

Автор не отвечает на все эти житейские, естественно возникающие вопросы. Он как бы и не хочет говорить конкретно и просто о судьбе людей, опять увлекается «лирическими», внешне взволнованной скороговоркой:

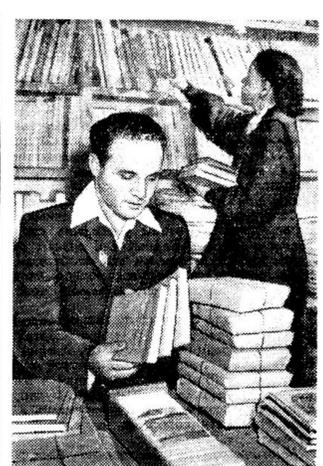
Зная одно и одним дыша,
Общая стала у нас душа,
Ты — мое сердце, моя рука,
Жилка, стучащая у виска,
Ты — огонек у меня в дому,
Как странно, что это тебе ни к чему...

Да как же «общая душа», когда «это» — «ни к чему»? Нет, как и сама любовь, поэзия любви тоже должна быть «продукта, выверена, проверена».

Нельзя не упомянуть и еще об одном недостатке новых произведений Я. Ошанина, недостатке, тесно связанном с нечеткостью поэтической мысли, зачастую условной манерой изображения действительности. Поэт не всегда находит нужное, единственно возможное слово; стилистически поэт начинает повторять себя. «Первая радость труда», «каждый шаг достается нам с бою», «как снежинка, чистая», «ветер дальних дорог», «жизнь, чистая, как слеза», «они встречались потому, что не встретились не могли», «новых дум разбег» и т. д. и т. д.; слова эти — не инструмент для проникновения в индивидуальные, неповторимые явления и характеры, не осязаемая, эмоционально-поэтическая мысль. Это готовый набор словесных штампов, которыми по привычке пользуется поэт, — и разве только Ошанин! — и которыми литература портит вкус читателя. Слишком часто сравнивается взгляд с лучом солнца, слышится образ «спути», «дороги», «ветра», «мы любим песню Я. Ошанина «Дороги», по ярду ли с такой же любовью будем петь песню «Версты», которая повторяет нам знакомое.

Среди последних произведений Льва Ошанина — немало удачных. Но ждать и требовать от поэта можно и нужно большего.

Ю. СУРЦЕВ

Библиотека Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина обменивается литературой с научными учреждениями стран народной демократии и других стран мира. На снимке: библиотекари В. Кузьмин и С. Гильманова готовят к отправке в Академию наук Чехословакии «Ученые записки» Казанского университета.

Фото В. Мясникова

На армянском языке...

ЕРЕВАН. (Наш корр.). В ноябре исполняется 35 лет со дня установления советской власти в Армении. Этой дате посвящена выставка книг, открытая в Ереване. На ней экспонируются изданные в республике произведения классиков марксизма-ленинизма, художественная литература, литература по истории, языкознанию, искусству.

В течение 35 лет армянский читатель познакомился на родном языке с многими книгами русских писателей. Издано 582 произведения русских классиков и советских писателей. Большим тиражом выходят произведения писателей братских республик СССР.

На выставке широко представлены книги армянских авторов. Так, общий тираж изданных произведений А. Ширванзаде равен почти полумиллиону экземпляров, тираж произведений О. Туманяна — 400 тысяч, Раффи — 200 тысяч. Книги писателей Советской Армении вышли в количестве 1325 тысяч экземпляров.

Огромный интерес армянского читателя к зарубежной литературе. В армянском языке издано 170 книг китайских, французских, английских, испанских, итальянских, польских, немецких, венгерских, болгарских и других писателей.

За 35 лет в Советской Армении вышли книги 17 752 названий тиражом около 98 миллионов экземпляров.

Новые книги

Белорусские рассказы. Авторизованные переводы. «Советский писатель». 590 стр. Цена 9 руб. 30 коп.
Блалый Г. В. М. Гаршин. Историко-биографический очерк. Гослитиздат. 108 стр. Цена 3 руб. 20 коп. Издана впервые.
Глазов Г. О друзьях-товарищах. Стихи. Львовское книжно-журнальное издательство. 103 стр. Цена 2 руб. 25 коп.
М. Горький в воспоминаниях современников. Гослитиздат. 74 стр. Цена 17 руб.
Капица П. В. Два разлуки. Повесть. «Советский писатель». 296 стр. Цена 5 руб. 5 коп. Издана впервые.
Кирсанов С. Вершина. Поэма. «Советский писатель». 88 стр. Цена 2 руб. 30 коп. Издана впервые.
Китайские сказки. Перевод с китайского В. Туркина. Владивосток. Приморское издательство. 44 стр. Цена 50 коп.
Мессер П. Советская историческая проза. «Советский писатель». 304 стр. Цена 7 руб. 5 коп. Издана впервые.
Томчанин М. Закарпатские рассказы. Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 198 стр. Цена 90 коп. Издана впервые.
Ульямаров А. Сурский привет. Стихи. Чехословакия. Чувашское государственное издательство. 40 стр. Цена 40 коп. Издана впервые.

Стихи Михая Вёрёшмарти

К 100-ЛЕТИЮ со дня СМЕРТИ

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ

Люби отчину и молчи:
Не надо громких слов;
Подобна давнейшей душе
Безмолвная любовь.

Отчины ради сделай все,
И жизнь отдай ты ей,
Но только не держай
Отчиную своей.

Странно родимому владеть
Должна не только знать:
Простого люда скромный труд
Помог ей процветать!

Отчины ради претерпи
Боль, муки, стыд и
Смерть;
И лишь позор земли
Не должен ты терпеть!

Не только в битве будь
Ретив:
Опаснее вдвойне
Те раны, что наносит мир,
Коль спит народ в стране!

Обдумай, сколько стоишь
ты;
Коль силы все свои
Готов за родину отдать,
То не прощешей!

И пусть мечтает
Большинство
Обманутой судьбой
Покой себе, семье,
Друзьям
Купить лободы ценной,
Пусть добродетель, чьих
Заслуг
Мир оценить не мог,
И тыма бессмысленных
Злодейств,
Содержавших порок.

Пусть ныне даже и они
Устанут рваться в бой
За все, что видели в
мечтах
Они перед собой,
И пусть, надежду
потеряв,
Усерднейшая мать
При виде гибнущих детей
Способна лишь
вздыхать,
ты, патриот, будь на чеку,
Уверен будь и смел,
Пока от родины твоей
Хотя бы камень какой
И пусть весь мир уйдет
во мрак,
Погадут все огни —
Жиюу искру хоть одну
ты в сердце сохрани.

Могли родины сынов
Да озабит она,
С тем пламенем сквоз
тыму веков
Пройдет моя страна,
И дух Эллады оживет;
Героев древних лет
Из праха подымает вновь
Вот этой искры свет.
Он — солнце родины
твоей,
И под его лучом
Здесь, на груди отчизны,
жизнь
Тогда забьет ключом.

И снова расцветет земля;
Куда ни кинешь взгляд —
Берутся люди за дела
И действовать спешат.
И облик господа в лице
Твоей страны воскрес;
Блаженство, имя, мощь
ее —
Соперники небес.
Храни ты пламя, патриот,
И не пугайся бед
И знай, что эта искра даст
Неугасимый свет.
1843 г.

СВОБОДНАЯ ПЕЧАТЬ

Закопченая, больная мысль,
Встань с ложа рабства, наконец!
Стань гласным, чувством, тонущее там,
В кровавой мгле придушенных сердец.

О, выйдите вы, узнки в цепях,
Взгляните на слavnый радостный рассвет
И дайте стране, страдатель, как и вы,
Благословение, утешение, свет!
1848 г.
Перевел Л. МАРТЫНОВ

В Союзе писателей СССР

Секретариат правления Союза писателей СССР на заседании, прошедшем 16 ноября под председательством К. Симонова, обсудил план изданий «Советского писателя» на 1956 год. По количеству названий он значительно превышает план текущего года: будет выпущено свыше трехсот книг общим тиражом около 11 миллионов экземпляров.

Больше чем на две трети план состоит из произведений, которые впервые выйдут отдельными изданиями. Многие из них не печатались в журналах. Широко представлена в плане литература братских республик: из 44 произведений прозы 35 впервые выпускаются в Москве на русском языке. Около 90 книг включает раздел поэзия, более 40 значится в разделе критики и литературоведения.

Продолжится выпуск двух серий «Библиотеки поэта». В большой серии будут изданы стихотворения И. Бунина, Н. Гнедича, В. Жуковского, С. Есенина, А. Кантимера, Н. Огарева; в малой серии — Э. Багрицкого, Д. Гураминшвили, Я. Купалы, Н. Некрасова (трехтомник) и сборник исторических песен. Писатели В. Ажаев, Б. Галин, С. Голубов, К. Симонов, В. Смирнов, В. Стыгин, Н. Тихонов и К. Федин, дав общую положительную оценку плана, сделали некоторые критические замечания и внесли ряд предложений.

Участники обсуждения говорили о том, что следует еще больше места уделить в плане новинкам и, в частности, увеличить резерв для новых произведений, в том числе для наиболее интересных рукописей, которые будут рекомендованы к печати после обсуждения их на Третьем всесоюзном совещании молодых писателей.

На том же заседании было заслушано сообщение о плане капитального строительства, которое осуществит «Литфонд» в 1956 году. Главное внимание будет направлено на строительство жилых домов, домов творчества и санаториев для писателей.

Секретариат заслушал также сообщение о ходе подготовки к декаду литературы и искусства Латвийской ССР.

а молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и хоят, потом сживают со суеты, и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить...»
Дм. Еремин в своей трагической поэме «Данила», повидимому, не забывает об этой провинциальной характеристике. Но ему, ему кажется, недостает все же исторического такта, чтобы быть до конца верным изображаемой элите и не перенести в нее представлений и понятий, явно принадлежащих более позднему времени. Из-за этого фигура Данилы в ряде мест романа оказывается недостаточно правдоподобной, абстрактно-положительной, лишеной ярких, земных красок.

О блеклости красок — на этот раз, по всей вероятности, преднамеренной! — следует сказать также и в другой связи. Бледен и в то же время слащаво рвуются Дм. Еремину отношения Миросхи и дочери Страшко Любовы. Наши исторические романы последнего времени (Дм. Еремин в этом отношении не одинок), по всему видно, крайне боятся власти в натуралистических описаниях любовных переживаний наших предков копаться нужды нет. Но разве отсюда вытекает, будто следует отказываться от предмета, смелого и открытого выражения сильных страстей, какое мы встречаем, к примеру, у А. Н. Толстого? На поверку исторические романы часто отступают сейчас от реалистических принципов изображения, как только им приходится касаться любовной темы.

...Как видим, недочеты и просчеты в «Кремлевском холме» имеются немалые, и цельность художественного впечатления они все же нарушают. Откуда же вылезли в повествовании Дм. Еремина эти недостатки? Как указывалось уже, в основе своей творческие установки писателя верны. Но осуществляются они порой с отступлением в сторону модернизации и «улучшения» истории. Надо пожелать автору большей твердости в отстаивании своих принципиальных позиций, — это непременное условие настоящих, больших творческих побед.

Премии драматургам

ВИЛЬНЮС. (Наш корр.). Закончился конкурс на многоактные пьесы, объявленный Министерством культуры Литовской ССР и Союзом писателей республики. Первую премию в 25 тысяч рублей жюри присудило

А. Гриносу за драму «Жаркое лето». Третьей премии — по 10 тысяч рублей — получили Ю. Грушас, Ант. Беляускас и А. Любите. Присуждено также шесть поощрительных премий.

Большинство авторов — молодые писатели. Некоторые премирнованные произведения уже поставлены или готовятся к постановке в театрах республики.

В поисках «Истины века»

«Его дело воскресить минувший век во всей его истине», — так определял Пушкин задачи писателя, берущегося за изображение исторического прошлого. Этот реалистический принцип — основа, на которой вырос исторический роман классиков, на этой же основе растет и советский исторический роман. Между тем до сих пор немало наших писателей, обращаясь к темам прошлого, забывают не столько о правде истории, сколько (пользуясь пушкинскими же терминологией) о «применяемости» к современности. Как будто актуальность исторического романа, его интерес для современного читателя создается приспособлением и подгибанием прошлого к настоящему! В действительности дело обстоит как раз наоборот: чем реальнее и правдивее дан «минувший век», тем яснее выступают и те традиции, которые мы наследуем от предыдущих поколений, и то новое, что привнесено в жизнь народа ходом исторического развития. Советский исторический роман при этом, во весь рост показывая выдающихся деятелей прошлого, во главу угла ставит историческое творчество масс.

Такова та генеральная линия нашей художественно-исторической литературы, которой следует в своем романе «Кремлевский холм» Дм. Еремин. Достоинство этого произведения заключается, на мой взгляд, в том, что основное внимание автора направлено на поиски «истины века», хотя нельзя сказать, чтобы писатель был до конца последователем.

Век, воспроизводимый в «Кремлевском холме», — это очень далекое от нас время, XII век, когда основана была Москва. Именно это событие находится в центре романа. Естественно огромные трудности, с которыми столкнулся писатель. Но во многом ему удалось преодолеть их благодаря настойчивому стремлению возможно точнее представить себе своеобразие эпохи.

Дм. Еремин. «Кремлевский холм». «Молодой рабочий», 1955.

своеобразие бытового, социального, национального.
Ряд характерных черт этой переломной эпохи с ее резкими и глубокими социальными противоречиями, с ее идеологической и религиозной борьбой ярко и впечатляюще передан в романе. Убедительно обрисована в нем простодушная вера людей того времени в леших, домовых, запертых «тиганашек», в языческих богов, память о которых недавно принятые христианами еще не в состоянии истребить. Показываются в книге и ушедшие в леса язычники, хранящие фанатичную верность старым богам.

Мы видим, как зарождается древнерусская культура, обогащаясь опытом других, более передовых стран. Мы видим далее, как завязываются и укрепляются международные связи Руси, — недаром такое видное место занимает в романе посольство Юрия Долгорукого в Византию.

Выразительно изображены Еремимым феодальная раздробленность русской земли в ту эпоху, бесконечные княжеские распри, постоянные переходы князей из одного города в другой и, как следствие этого, ослабление позиций Руси перед лицом ее внешних врагов. Мы воочию видим, как все время углубляется тяжесть существования простых людей, самой жизни которых на каждом шагу угрожают всевозможные опасности.

Но вместе с тем мы отчетливо видим, сколь жизнелюбивы и жизнестойки эти люди.
Самое главное состоит в том, что писатель стремится всюду выявить классовую природу своих героев. Могут сказать: а стоит ли ставить это в заслугу автору, разве классовый подход к действующим лицам не является чем-то само собой разумеющимся для художника социалистического реализма? Это так, конечно, но на практике исторические романы почти никак не могут уразуметь, что признание прогрессивности того или иного деятеля прошлого отнюдь не исключает классовый его характеристики. На деле поэтому ро-

манности иногда приходит, часто сами не осознавая этого, к приукрашиванию исторических героев, к проповеди культа личности, одновременно недооценивая или принижая роль народа в историческом процессе.

Автор «Кремлевского холма» отдает должное уму и инициативе владимиро-суздальского князя Юрия Долгорукого. Но он показывает, и это показательно, — что Москва своим возникновением обязана не просто желанию князя, что событие это обусловлено сложными обстоятельствами всей русской жизни XII века. Тут писатель полностью солидарен с новейшими историками Москвы, подчеркивающими, «... что название, под которым в летописи становится известна будущая столица русского народа, совпало с названием реки, на которой она находилась, а не произошло от какого-либо княжеского имени. Между тем во Владимир-Суздальской земле было немало городов, названных по именам князей (Проставля, Дмитров, Владимир, Юрьев и т. п.). Отсюда можно заключить, что поселение на Москве не являлось княжеским созданием». Так сказано в «Истории Москвы».

Идейно-художественная концепция автора определяет широкий размах книги, ее объемную композицию. Действие в первых главах романа разворачивается вдалеке от Москвы, в прилегающей к Юрию небольшом селенье под Киевом. Его сжигают половцы, сжигают, как догадывается один из немногих целеустремленных на бегство жителей посела кузнец Страшко, по наущению врагов Юрия, киевских князей. И Страшко вместе с сыном и дочерью, так же, как тысячи других обездоленных, бежит на север. Но «столько на землях Юрия Долгорукого, младшего сына покойного Мономаха, в «Великом утлуге», где, полаяная тетива гигантского лука, протянувшая между Окой и Волгой река Москва, а за ней простиралась высокая земля Суздаль, было тихо. Там строили, а не жили. Там не обрабатывали, а драли землю под пашню, сра на месте бывших лесов веселое жить».

Многие лишения и невзгоды обрушиваются на «беглян», прежде чем им удается достичь Москвы-реки. Но тут измученных людей ждет новая беда: княжич приказчик — тиун и боярский управитель требуют от них, чтобы они пошли к ним в холмы, иначе их не примут, не дадут им ни кро-

ва, ни пищи. Лишь внезапный приезд хозяйственного князя, стремящегося заселить глухие места своего удела, спасает Страшко и его спутников. Юрий велит взять корыстного приказчика в батоги за нарушение его воли; тиуном же московского посела он ставит кузнеца.

На Москву-реку Долгорукий приезжает затем, чтобы заложить здесь город, что, впрочем, как показывает автор, не является притяжательной целью князя; решение это продиктовано прямой исторической необходимостью. И безусловно прав Дм. Еремин, когда он дает понять, что князь сам по себе мало что смог бы сделать: княжич Ростислав, которого Долгорукий оставляет наблюдать за строительством города, только бы существует и бряжничает, а строит Москву зодчий Симеон, тот же Страшко, мужик из окрестных сел и деревень.

Как видно из сказанного, в поисках «истины века» писатель идет в основном по верному пути. Кос в чем, однако, касается с ним спорить.

Хорошо, что Юрий Долгорукий у него человек своего времени, феодал, исходящий прежде всего из своих интересов и интересов своего рода, жестокий к «черным» людям, осторожный в отношениях с боярством. Хорошо, что Юрий говорит в романе только о «московском порубежье» Суздальского княжества, не поворачивая, какая великая роль выдвигает впоследствии на долю основанного им города. Но вряд ли можно согласиться с тем, что в некоторых местах книги, — вопреки правде образа, создаваемого автором, — Юрий превращается вдруг в некоего провинца, который возглашает: «Недаром... я свой новый город залетаю: место это в середине Русской земли! Оно дороже сердцу побию для всей Руси!». Надевать такой провинциальности, таким ясным пониманием исторического смысла своих поступков Юрия Долгорукого — значит волюю или незлобно скатываться к модернизации истории.

Еще отчетливые элементы модернизации присутствуют в образе «княжичка» Данилы Никитича. Многими своими сторонами образ этот возбуждает интерес и симпатию читателя. Положительной оценки заслуживает самый замысел Дм. Еремина — показать представителя только что появившейся на свет древнерусской интеллигенции, дипломата, воина и ученого. Нельзя, думаю, возражать и против того, что писатель делает своего героя носителем э-

дидеологического протеста. Известные исторические предпосылки для этого имеются.
Но посмотрите, как четко мыслит у Еремина Данила, какие ему приписываются чеканные формулы: «И князь — это тот же Русь...». Но первое на Русь — это пахарь да умельцы. Они создают дворцы и храмы. Они добывают зера и птицу, секут леса, засевают и убирают тучную пшву, оберегают родную землю от недуртов в час напасти. (Завя и эти, людяи!) Поимели чистых да честных должны быть с ними!». Такая тирада явно противоречит представлениям раннего феодализма с его иерархической идеологией. Да и как пришел к подобным мыслям Данила, выходя из привилегированной среды, совершенно неясно.

В конце книги писатель недумственно намекает на то, что его Данила Книжнич — это автор прославленного «Моления Данилы Заточника», замечательного памятника древнерусской письменности, относительно которого, кстати, специалисты спорят: написан он в XII веке или в XIII? Разумеется, Дм. Еремин воспользовался в данном случае своим правом романиста на вымысел. Но жалко, что, рисуя образ своего Данилы Книжника, писатель не всегда остается верен исторической правде. Реально существовавший Данила Заточник (каким мы представляем его себе по «Молению»), действительно, был полон чувства собственного достоинства и едко отзывался о богатых: «Княже мой, господине! Не лишн хвоба нища мудра, не возноси до облак баша немсладка. Ниш бо, а мудр, ако злато в калне сосуде; а богатый человек немсладен, яко паволочито изголове, солдому наткано; а убог немсладен, ако солома во грязи втоптана».

Но это еще не дает, конечно, Дм. Еремину оснований для того, чтобы превращать своего Данилу Книжника в идеолога «пахарей и умельцев».

Безликий писал об авторе «Моления»: «Что бы ни был Данила Заточник, — можно заключить без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на безу себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают, и не умея приять от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность, чьих сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать,

